

ОУИ НБ МГУ №1578

ГЕОГРАФИЯ

О школьном диссидентстве, одиночных прогулках по Подмоскovie и «ментальной революции»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1578>

16 апреля 2013

Собеседник

Родоман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 16 апреля 2013 и опубликована 29 июня 2015.

Введение

В пятой беседе географ Борис Борисович Родоман рассказывает о своей учебе в последних классах школы, о принятых среди школьников развлечениях, о преподавателях и своем отношении к различным предметам. В этот период он начинает крайне критически относиться к окружающей его действительности. Вместе со своим товарищем, таким же «отщепенцем» он приходит к выводу о том, что советский строй мало чем отличается от строя нацистской Германии. Независимость суждений Родомана проявляется и в том, что в ответ на несправедливую оценку он объявляет бойкот собственной преподавательнице по русскому языку и литературе и держит его почти до окончания школы.

В 1948 году отец добыл для него величайшую редкость — карту Московской области, которая очень сильно повлияла на его увлечение географией. С помощью этой карты, сохранившейся у него до наших дней как реликвия, Борис Родоман в ходе одиночных пеших походов начал обследовать Подмоскovie.

После неудавшегося поступления в Институт востоковедения он отправляется жить к родственникам на Украину. В связи с этим ученый вспоминает о судьбе многочисленных братьев и сестер своих родителей, так или иначе пострадавших от фашистской оккупации.

В этот же период с ним происходит «ментальная революция» — от отрицания советской действительности он сознательно приходит к ее принятию. По возвращении в Москву Борис Родоман поступает на географический факультет МГУ, который он «полюбил с первого же дня».

Юрий Вадимович Самодуров: У нас очередная встреча с Борисом Борисовичем Родоманом. Ну, Борис Борисович, идем хронологически дальше.

Борис Борисович Родоман: Мы остановились на 45-м годе, когда, как известно, закончилась Великая Отечественная война, а для меня начался, как это ни парадоксально, самый мрачный период моей жизни, самый тяжелый, мрачный морально: это класса с седьмого по десятый, то есть четыре года подряд. Обучение в мужской школе, в одной и той же школе, и с одними только мальчиками, потому что я очень страдал от отсутствия девочек. Именно когда начинался такой возраст, когда ими все интересуются, у меня возможности общаться с ними не было. Наши проклятые руководители, чиновники придумали раздельное обучение, точнее, восстановили его, надеясь сделать примерно то же, что было в дореволюционных гимназиях. Они после того как разлучили мальчиков с девочками, стали их опять случать, но только уже по-своему, а именно: стали спаривать мужские и женские школы. И немедленно после ведения раздельного обучения были прикреплены школы мужские и женские с тем, чтобы ходили друг к другу в гости и чтобы устраивали вечера общие. То есть вместо естественного сотрудничества повседневного, которое я уважаю и признаю, начинается какая-то игра в знакомства, балы. В женской школе устраивались балы и танцы, туда приходили мальчики из мужской школы, знакомились с девочками. Сначала, церемонно, им прививали манеры. Видимо, это делали люди, которые еще сами родились до революции — год у нас 45-й шел, и люди среднего возраста были выпускниками дореволюционных гимназий. Вот там устраивались балы, знакомства. И мне это все было очень неприятно.

Ю.С.: Вы ходили?

Б.Р.: Нет! Никогда в жизни, никогда, ничего!

Ю.С.: Даже не попробовали?

Б.Р.: Не пробовал. У меня был такой характер: если я что-то не решался делать или из-за робости, или из застенчивости, я этого и не делал. Потом я внушал себе, что мне это не нужно, хотя, возможно, от этого страдал. До меня доходили какие-то слухи, я все знаю по рассказам. Были романы у мальчиков с девочками, кто-то даже травился или вешался у порога возлюбленной. Так всегда бывает в виде исключения: когда много молодежи, с кем-то что-то такое случается. И все это только по слухам. Я знал, какая школа имеется в виду, шестьсот какая-то, тоже недалеко от моего дома. Там училась из моей квартиры соседка Зина Кочергина и ее сестра Тася из нашей же квартиры. Я никогда не был в этой школе, никогда туда не ходил. Мне это чуждо: церемонии, знакомства. Я должен сказать, что я до сегодня этого не люблю. Я не люблю, когда меня кому-то представляют, когда кому-то обо мне что-то говорят, ведь после этого я должен себя вести соответствующим образом, а я не умею. Если кто-то скажет: «Вот это Борис Борисович Родоман, известный ученый». «Известный» говорят о человеке, который, как правило, неизвестен тому, кому об этом говорят.

Ю.С.: Да.

Б.Р.: Ну вот, это уже само по себе дико. А потом, я же с этого момента должен вести себя как известный ученый. А я говорю совсем о других вещах.

”

Например, часто говорю о сексе, который меня интересует больше, потому что наука для меня — это интимная тема, и я с кем попало о ней разговаривать не буду. Я разговариваю на такие темы, которые объединяют разных людей. А люди потом вообще в шоке от моих манер.

Ю.С.: Ну мы о науке-то поговорим?

Б.Р.: Сейчас?

Ю.С.: Нет-нет, попозже.

Б.Р.: Я не знаю, что у меня получится из этого вашего предложения. Ну посмотрим. Во всяком случае, я не думаю, что попытки мои популяризировать теоретическую географию во время этого интервью возымеют хоть какой-то успех.

Ю.С.: Да нет, просто рассказ о проблемах...

Б.Р.: Для этого существуют опубликованные сочинения, и пусть люди их читают.

Ю.С.: Рассказ о проблемах, которыми вы занимались.

Б.Р.: Да, это будет, конечно.

Ю.С.: Больше ничего.

О школьных приятелях

Б.Р.: Есть материал, все есть. У меня же много, из того, что я говорил сейчас, уже опубликовано, даже и мои мемуары опубликованы в разных формах, но об этом я скажу потом.

Так вот, с седьмого по десятый класс. Седьмой класс — это еще ступень неполного среднего образования, а с восьмого по десятый — уже последняя ступень. Поэтому восьмой — десятый класс — это результат объединения, часть же отсеялась. Но нам повезло: в том классе, где я учился, классным руководителем по-прежнему была Мария Ивановна Смирнова, учительница немецкого языка. Она и в седьмом классе была, в прежнем составе, классным руководителем и в восьмом классе, в который я попал, она оказалась классным руководителем. А в параллельном классе классным руководителем была учительница литературы и русского языка.

Я, как мальчик близорукий, еще не носивший очков, но уже предрасположенный к тому, чтобы этими очками обзавестись, сидел на первой парте. Чтобы видеть, кто сидит сзади, мне нужно было оглядываться, вертеть шеей. Я сидел перед носом у учителей и часто реплики разные отпускал, которые не всегда им нравились. Иногда я вставлял какие-то свои слова в то, что они говорили. Но к конфликтам это не приводило. Моим соседом по первой парте оказался Костя Ширик, который стал моим главным другом. Он белорусского происхождения. Родился в глубине Белоруссии. (Его отец упал с лошади и ушиб себе грудь до такой степени, что скоро скончался от чего-то вроде туберкулеза.) Он жил с двумя или тремя тетками в трущобе недалеко от школы. Там еще сидел какой-то дед, любовник этих трех теток, на скамейке сидел, никуда не ходил, несколько лет сидел. В общем, такая вот семья была.

Естественно, что моя семья, мой отец как актер, книги наши... это уже было как-то повыше, так сказать, социально, культурно. Он ко мне тянулся. Он считается моим другом и сейчас. Жизнь его сложилась очень ярко. Он, как и большинство окончивших нашу школу, пошел в военно-промышленный комплекс, потому что наша школа (я еще об этом скажу) готовила, в основном, в этом направлении. У нас был Клуб юных мастеров, Клуб юных техников, то есть у нас было настоящее политехническое обучение. Но я к этому никакого отношения не имел. Он там занимался. Естественно, он пошел в эту отрасль — ракетную или чего-то еще, подготовка гибели всему человечеству. Ну чем же у нас занимался военно-промышленный комплекс? На что шли основные ресурсы Советского Союза? Я считаю, что до сих пор весь мир расхлебывает последствия этой гипермилитаризации, которой был охвачен Советский Союз.

Ее последствием являются и конфликты региональные, и оружие, которое продолжает расползаться по всему миру. Чрезвычайно милитаризованная страна. И вот все туда, конечно, шли работать, за редким исключением.

Про меня говорили, что я мальчик с гуманитарным уклоном, то есть я этим выделялся. Я и еще Юра

Погодин, остальные все были с техническим. И вот Костя Ширик пошел туда работать, но у него было хобби: нумизматика, история, он все это очень любил. И он стал профессиональным археологом. Это был редкий случай. Он внедрился в археологию как автор геофизических методов разведки. Он распрощался со своей секретной отраслью, она очень-очень была засекречена. Нужно было, чтобы прошло некоторое время, чтобы эти секреты устарели. Так как женился случайно на внучке академика Карпинского, он оказался жителем Ленинграда. Работал он в соседнем здании с Эрмитажем, в Институте археологии, где стоят атланты. И вход к нему был среди атлантов, вот. Войдешь туда, в институт — там экспериментальные орудия первобытных людей. Есть которые изготовлены сотрудниками: они проверяли, можно ли это изготовить, сколько времени нужно. Археологи никак не признавали его за своего человека, никак! И только признали после того, как он открыл несколько подводных городов на Черном море, вблизи побережья. Это было связано с трансгрессиями в море, опусканиями, поэтому ему удалось защитить диссертацию, всего лишь кандидатскую, кандидата географических наук (не исторических). Он соединился с нашими палеогеографами, и по линии палеогеографии, палеогеоморфологии, по-моему, в нашем Институте географии он защитился на кандидата географических наук. После чего он стал признанным археологом, о нем писали. Сейчас он доживает свой век в Гамбурге, куда эмигрировал со второй женой. Вторая жена у него еврейка, сам он никакого отношения по происхождению к евреям не имеет. Она утащила его туда, и он по квоте поселился в Гамбурге. Вот он говорит, что под моим влиянием вспоминал немецкий язык и, в общем, теперь это якобы ему много дало.

Ю.С.: А первая жена умерла?

Б.Р.: Нет, он разошелся с ней. У нее был очень странный характер. Мы так далеко уйдем в сторону, но это тоже интересная семья, потомки академика Карпинского. Дело в том, что потомки были очень побочными. Сын академика Карпинского, Александр Толмачев, геоботаник, в Крыму сошелся с обыкновенной местной теткой. И там у него родились две дочери. У него была побочная семья в Крыму. Они, с одной стороны, внучки академика Карпинского, но с другой стороны, когда были в Крыму, мы обнаружили там тетку, которая газированной водой торгует в поселке Орджоникидзе. Это и была мама этих двух девочек, которые являются внучками академика Карпинского, от этой побочной семьи. Но поселились они потом в Ленинграде, и сейчас на всех юбилеях, посвященных Карпинскому, выступают как его внучки. И эта Лена Толмачева оказалась очень капризной, заносчивой. Она не могла простить Косте Ширику его глубоко плебейское происхождение. В общем, это долго тянулось. У них один общий сын, который живет в России, а другого сына и дочь он сделал, Ширик, уже в преклонном возрасте со второй женой, с той самой еврейкой, с которой эмигрировал в Гамбург. Недавно я поздравлял его с восьмидесятилетием по электронной почте, но он не откликнулся. Может быть, уже впал в уныние и... Мне другая коллега моя, которая там, в эмиграции, живет, сказала, что он жив. Возможно, впал в пессимизм.

Еще за что я уважаю Костю Ширика — он так же, как и я, совершенно не впал ни в какие заигрывания с религией. Никогда! Мы остались совершенно непреклонными атеистами. Ширик написал книгу об Атлантиде, в которой просто доказывал, что никакой Атлантиды нет и быть не могло, что все это условные чисто фразы в тексте Платона. Но это ведь не выгодно. Дело в том, что отрицать что-то и не предлагать ничего своего не выгодно, а нужно же людям, так сказать, запудривать мозги, рассказывать разные сказки, легенды. Ширик еще написал книгу «Мифы XX века», она у меня есть, в которой он объяснял механизм появления сказок и мифов, что место ангелов заняли инопланетяне, то есть эти ниши существуют в культуре. И это яркий пример, как самолет в годы Второй мировой войны случайно сел в джунглях. Знаешь, да? Он сел там, зарос травой, соломой. Его обожествили, а летчик этот, который там приземлился, — посланец неба. Ну и так далее. Так что Ширик начисто все это отрицал. У него было очень все аргументировано. Но это публику не интересует, публика хочет, чтобы Атлантида была, поэтому поставить точку в проблеме Атлантиды Ширику не удалось, его работа не пользуется широкой известностью. Естественно, ее вытеснили те, кто не отрицает существование Атлантиды.

Другим моим другом-приятелем стал некий Толя Брагин, который не далее как сегодня утром мне звонил по телефону. Он уже очень плох в смысле здоровья: у него болезнь Паркинсона. Тем, что так я живу

и процветаю сейчас, он завидует и возмущается, ему это очень не нравится. Не нравится, что у меня сейчас и путешествия, и любовь. Он никак не может понять, за что меня девушки любят в таком преклонном возрасте. Он вообще этим возмущается, совершенно ненормальным, безобразным явлением. В школе я был чуть ли не последний в классе, а сейчас все почти умерли, а я остался. Ну так вот...

Ю.С.: А чем он занимается?

Б.Р.: Да, конечно, пару слов скажу и о нем. Тоже его очень уважаю, интересный. Он всю жизнь мечтал стать геологом, хотел поступить в Геологоразведочный институт, но не прошел, потому что мама у него была слегка репрессированной. Почему я говорю «слегка»? Это была не кампания 37-го года, а его мама оказалась в западной части Московской области, по-видимому, на даче... Мы были тоже в Звенигороде, но мы ускользнули от оккупации, поехали в эвакуацию, а они, видимо, застряли.

Пришли немцы. Его мама (о, ужас!) разговаривала с немцами по-немецки. Этого было достаточно, чтобы по доносу репрессировать.

У него мама отсидела семь лет, потом ее допустили жить в «александровском кармане», где граница Московской области ближе всего приближается к Москве. Таких два места было: Балабаново и Александров, Александров Ивановской области. Там она жила за 101-м километром, пока не дождалась или окончания срока или уже полной реабилитации. Реабилитация позже пришла, сначала просто вышел срок.

Ю.С.: Таруса еще была.

Б.Р.: А?

Ю.С.: Таруса еще была.

Б.Р.: Да, конечно, но Александров был очень доступен, удобно на электричке было ехать. И он туда ездил. Но это не все, не все еще. Он не смог поступить в Геологоразведочный. Тогда он поступил в Пушно-меховой институт, который находился в Балашихе, под Москвой. А потом этот же институт перевели в Иркутск, о чем мы сегодня с вами, Юра, вспоминали. Но он еще здесь кончал его, в Балашихе. И вот там он нашел свою первую, единственную и последнюю в жизни любовь, другую студентку, которую звали Оля. Толя Брагин — это единственный мужчина, которых я знаю, который всю жизнь живет только с одной женщиной. Никогда он ей не изменял. Он не представляет себе, что можно еще что-то другое. И это продолжается до сего дня, и так они живут, как одуванчики восьмидесятилетние. Но не все так просто.

Брагин был настолько непоколебим в своих моральных убеждениях, что из-за своей жены убил человека. Это было в экспедиции под Салехардом. Они как настоящие натуралисты-студенты, естественно, ни часа не задерживались в Москве, а по распределению направились туда, где должны были служить Родине в качестве охотоведов, то есть в Салехард. И там сразу экспедиция по Оби, по рекам. И вот его жена отправилась в экспедицию. А вокруг что за народ? Рабочие — это же бывшие зеки. Вот один из зеков, вернувшись в свой барак... Значит, это когда было? Мы школу кончили в 49-м году, это было около 50-го года, еще всеобщей амнистии не было. Уголовный это был зек, не политический, чисто уголовный. Уголовникам там всегда лучше жилось. Ну так вот, возвращаясь из экспедиции в бараки, очень недвусмысленно рассказывал своим приятелям о том, что он якобы совершил с женой Толи Брагина, то есть с Олей.

Толя Брагин был подвержен аффектам. И он, понимаешь, взял и первой попавшейся табуреткой этого зека убил на месте. Сразу.

Надо сказать, что тут вся общественность была на стороне Толи Брагина, потому что, во-первых, его там уважали, во-вторых, все было совершенно ясно как день, в-третьих, он избавил человечество от бандита, который терроризировал. Поэтому за него, по-моему, не только суд, но и прокуратура, — все старались, чтобы его выгородить, и в результате ему семь лет только дали. Мало, да?

Ю.С.: Много!

Б.Р.: Много? Все-таки много, Юра, да, могли бы и меньше дать. Но... Я все говорю все-таки не точно. И он отбыл эти семь лет в лагере в центре республики Коми, недалеко от железной дороги. Вплоть до того, что когда я в 57-м году отправился в самостоятельное путешествие по реке Печоре, потом Нарьян-Мар посетил, потом, по-моему, шли до Архангельска. Я за две недели уложился. Замечательно один путешествовал, навещал там своих друзей и подруг среди геологов. Он тоже надеялся, что я к нему в гости туда заеду, а это было возможно, мы переписывались с ним.

И что же в результате? Кандидатскую диссертацию защитил с опозданием лет на десять—пятнадцать. В Лапландском заповеднике работал, изучал птиц. Какие-то приборы под гнездо подкладывал, которые температуру улавливали. Но он не смог заняться своей любимой темой — обонянием. Эта тема была засекречена, потому что все, что можно, у нас шло на военные нужды, надо было «вынюхивать» противников. Не случайно у нас дельфинов разводили в Черном море, хотели использовать как торпеды. Человек с испорченной анкетой и судимость имеет — ему нельзя заниматься обонянием. Конечно, он стал кандидатом биологическим, защитился. Работал в основном по заповедникам. Потом под Москвой, в Приокско-Тerrasном заповеднике долго работал. Сейчас он давно уже пенсионер. Ну вот, взгляды у него такие. После всего этого он был, по-моему, очень даже ярким коммунистом. По-моему, и сейчас коммунист, коммунистические у него взгляды. И он со своими коммунистическими взглядами живет в неплохом коттедже, построенном его внуками, которые занимаются бизнесом. Очень типичная картина. Полно внуков, правнуков. Часть правнуков уже «за бугром», в Канаде. Но я заметил, что у нас у всех более-менее преуспевающих москвичей потомки «за бугром». У кого где: у кого в Израиле, у кого в Канаде, в США или в Новой Зеландии. Новая Зеландия, Австралия, США и Канада — это самые любимые места тех, кто по известным причинам не поехал в Израиль. Те, кто не имеет отношения к Израилю, в основном, в этих странах, у них там живут потомки. Такая вот история.

Увлечение литературой. Школьные преподаватели

Дома меня встретили новые книги, не только энциклопедии. Дело в том, что одной из моих настольных книг была книга «Дон Кихот Ламанчский». Она была адаптирована для детей. Очень толстая книга, с прекрасными рисунками, страниц шестьсот, большой формат. Это хорошая адаптация для детей. А теперь я видел книги издательства «Академия»: и «Дон Кихот Ламанчский», и Жюль Верн, и всякие другие вещи. Это совершенно другое дело! «Робинзон Крузо»! Они же — полный текст, это совсем другое дело. Я, можно сказать, свою любимую книгу — «Дон Кихот Ламанчский» стал изучать заново. Во мне проснулся исследовательский интерес: я стал выписывать действующих лиц, чтобы посчитать, сколько их. Эта задача была сложная, потому что помимо основных действующих лиц там были элементы толпы. Там были погонщики, каторжники... Как определить, какое их количество? Я определял, так сказать, спекулятивно: примерно прикидывал, сколько их должно быть, таким вот образом. Как если бы я был сценаристом этого фильма, я бы тоже думал, сколько мне людей-статистов нанять, чтобы изобразить. У меня сохранилась тетрадь, где все это записано. Я до конца все-таки не довел, потому что очень толстая книга, по-моему, два тома насчитывает издательство «Академия». Я занимался такими вот вещами. Так что у меня всегда любовь была к анализу.

Дальше. Я стал географом. Я говорил о том, как закончился замечательным экзаменом по географии пятый класс. Кто нам преподавал географию в пятом классе, я не помню, возможно, тот же, но, скорее всего, не тот учитель, который был в последних трех классах. География у нас была в восьмом и девятом классе. В восьмом и девятом классе нам преподавал географию очень странный человек по имени не то Георгий Львович, не то Григорий Львович. Будем считать, что Георгий Львович. Фамилию я не помню. Это был очень с виду светский, интеллигентный человек.

” От него пахло чем-то дореволюционно-белогвардейским, возможно, он был офицером или что-то такое — какие-то у него были манеры. Жизнь у него была в прошлом очень яркая, но не ясно, какая.

Известно, что он что-то делал в Манчжурии. Может быть, он был из тех харбинцев, может быть, что-то другое.

Особенность у него была такая: он, когда приходил в класс, приказывал убрать со столов все: никаких тетрадей, ручек, ничего, чтобы были абсолютно пустые парты. После этого он начинал монолог. И он нам говорил нечто, не имеющее ни малейшего отношения к предмету географии и к уроку. Все слушали его, разинув рот. Так продолжался целый урок. Иногда, как бы спохватившись, он вдруг это прекращал и говорил: «Вот, к следующему разу такие-то и такие-то параграфы из учебника»...

Ю.С.: А о чем же он с вами...

Б.Р.: Я сейчас точно не могу вспомнить, но это какие-то связные истории были из его жизни. Он был в Манчжурии. Но мне-то было известно, что... Я знал, что китайцы и корейцы едят собак и кошек. Поэтому меня стал мучить вопрос, а Георгий Львович ел ли когда-либо собак и кошек. И однажды я ни с того, ни с сего, без всякой связи с тем, что говорил Георгий Львович, вдруг его спросил: «Георгий Львович, а вы собак ели?» Он обалдел, конечно, на меня накинулся, что я такие глупости ему задаю. У этого учителя я не проявил ни малейшей склонности к географии. Он не заметил во мне никакого интереса к географии, и интересовался ли он ею сам — я в этом не уверен. У меня при нем были четверки. Видимо, он задавал вопросы потом, которые мало кто понимал, реагировал на них только оценкой. Вот он задает вопрос, ему что-то отвечаешь, а он, ничего не говоря, оценку ставит. Больше ничего.

Дальше, был у нас историк. В отличие от той дамы, которая преподавала нам историю в пятом классе, а потом конституцию в седьмом... В восьмом классе, или в седьмом, я не помню уже, кажется, в восьмом, это был человек недалекий и, по-моему, просто глупый. Я всегда его ловил на том, что он рассказывает хуже, чем в учебнике, и ошибается по сравнению с учебником. Учебник был очень емкий, очень информативный. Там много было картинок. Учебники истории я читал, как я уже говорил, до начала учебного года, и от учителя мне ничего интересного ждать не приходилось. И учитель тоже понимал, что я не глупее его — он меня стеснялся.

Дальше, русский язык и литература — новая учительница Мария Федоровна Шилова, молодая. Я тогда не мог оценить, насколько она молода, но мне кажется, что она только что окончила пединститут. Это была некрасивая женщина, но молодая, для нас-то она все-таки взрослая тетенька, мы же дети. Но, так я понял, поскольку она скончалась совсем недавно, лет пять тому назад, что, наверное, она была старше нас не больше, чем на десять лет. Тогда же все проходили в историческом порядке. Не знаю, как сейчас. В этом есть какой-то парадокс: в пятом классе начинаешь античную историю. В старших классах мы проходим полный курс русского языка и литературы, и, по курсу литературы, первый урок в восьмом классе, начало трехлетнего курса, мы начинаем со «Слова о полку Игореве». А я был единственный в классе, кто не только знал о существовании «Слова о полку Игореве», но и прочитал его. У меня дома было «Слово о полку Игореве», как подлинный текст на древнерусском языке, так и его переводы на современный язык. Все это я уже читал. А она нам задала доклады подготовить. Я страшно обрадовался, потому что я знал и любил это произведение. И вот наступил второй или третий урок...

Она всегда любила загадочно улыбаться. Ее звали Мария Федоровна... пожалуй, так. Ну, это все можно проверить, она в интернете есть. У нее много благодарных учеников, она была заслуженным учителем. Так сказать, память о ней не пропала. Тот, кто случайно, может быть, услышит то, что я говорю в этом интервью, всегда сможет мне возразить. А возразить есть на что.

” Так вот, я – то с удовольствием сделал доклад, она улыбается и, не говоря ни слова, ставит мне двойку. Ни слова не говоря. Продолжая загадочно улыбаться. То есть я, видимо, говорил совсем не то, что она ожидала. А чего она ожидала, я же не знаю.

Я ее вижу, можно сказать, второй раз в жизни. Я ей сказал: «Что это, вам надо угождать? Я вам угождать не намерен». И я бойкотировал этот предмет целых два с половиной года, а именно устную литературу. Я отказывался отвечать, но не отказывался писать сочинения. Дело в том, что я скоро понял, что, во-первых, оценки отлично мне совершенно не нужны, потому что они не имеют ничего общего с дальнейшей биографией человека, школьные оценки. И тратить свои нервы на то, чтобы в школе успевающим считаться и получать какие-то оценки... Я уж к такому выводу пришел. «Ну, — говорят, — мальчик переходного возраста, все понятно... Раньше был паинька-мальчик, а теперь переходный возраст, ломается характер...» Дело в том, что я очень хорошо писал сочинения. Но оценивалось не это, оценивалось отсутствие ошибок грамматических и пунктуация. Тогда я был грамотней, чем сейчас, у меня бывали тексты совсем без ошибок. Многие мои сочинения считались хорошими, они вслух зачитывались в классе как образцовые. А я понял, что пятерка за сочинение в сочетании с... В общем, так: двойка в сочетании с любой оценкой, которая отличается от двойки, дает тройку в итоге. И все! И два с половиной года у меня были тройки по русскому языку и литературе. Просто... именно благодаря этой позиции. Она меня особенно не терзала, Мария Федоровна. Она считала, ну, мальчик, переходный возраст, мало ли что. Это предусмотрено педагогикой. Опрос у нас велся редко, потому что она нас донимала своими лекциями. Она решила лекционным способом преподавать нам литературу, что, собственно говоря, меня еще больше возмутило. Потому что зачем мне эти ее малограмотные пересказы, когда у меня, во-первых, учебник есть, а, во-вторых, дома у меня литературы — библиотека целая. В общем, она диктовала без конца эти лекции, испортила почерк нам, записывать это было за ней бессмысленно и трудно. И у нее было мало времени на опросы. Опросы были редко. И она меня не мучила опросами. Она периодически говорила мне: «Родоман». Я говорил: «Что?» Она говорила: «Пойдем отвечать». Я говорил: «Нет, не пойдем». Тогда она ставила точку в журнале. Это было предупреждение. «Родоман (на следующем уроке), ну, как? Пойдем отвечать?» Я говорю: «Нет, не пойдем». Тогда она со своей обычной улыбкой ставила двойку. И так это продолжалось систематически в течение двух с половиной лет. Но не всех трех. Так вот продолжался бойкот.

Следующим предметом моего бойкота была химия. Об этом я сожалею. Я до сих пор не знаю, что такое окислы, основания, кислоты, соли. Я очень, очень в этом раскаиваюсь, ведь я же все-таки почвоведение изучал, и такие пробелы у меня в жизни. Я сейчас посягаю на экологические проблемы. Это, конечно, плохо, плохо. Здесь не было конфликта с учительницей, учительница у нас была хорошая. Она была даже кандидатом химических наук. По тем временам... Правда, не сразу, она потом защитилась, но все равно, даже если она защитилась через пять лет после окончания нами школы.

” В 50-х годах звание кандидата наук значило очень много. И даже мой учитель Николай Николаевич Баранский говорил, что есть два способа повысить свое материальное благосостояние: украсть или защитить диссертацию. Сейчас это уже не так.

Вот, получилось так, что я как бы был признан негодным, непригодным для химии.

Что касается математики, то кое-как. Геометрия у меня шла лучше, алгебра — очень плохо. Ну, это понятно, геометрия — это же все-таки пространство, воображение.

И, наконец, черчение...

Ю.С.: Физика еще.

Б.Р.: Да, с физикой тоже плохо было. Я думаю, четверки у меня были, может быть, и тройки. С физикой... С физикой были не очень хорошие отношения. С другой стороны, многое меня там интересовало. Конечно, я разбирался в электротехнике, в механике. Потом, я же любил, например, железные дороги, и некоторые отрасли техники я люблю: паровые машины... Ну вот. Автомобили я ненавижу, так что, допустим, я не люблю двигатели внутреннего сгорания, но паровые машины люблю.

И, наконец, черчение. Такие предметы, как черчение, рисование, физкультура и пение — они всегда, во все времена, были где-то на обочине. То они были, то их нет, то они не учитывались, то учитывались в аттестате. Юра, ты представляешь себе, что такое черчение в школе, эти форматки, вот это все. Я тоже оказался совершенно неспособный. Вот, как это ни парадоксально, но сейчас начерченные мною чертежи — они все опубликованы в книгах, и они прекрасно выглядят. Я же все это сам рисовал, мне никто не помог, никакая лаборантка, никакой техник не начертил для меня ни единой линии! Я все чертил рейсфедером, а также прибором для черчения штрихов, штрихприбором. Я этим овладел. Овладел я циркулями с большим радиусом, вставки разные — все это я научился делать сам. Но тут этого не требовалось, тут что-то другое требовалось, и это у меня никак не получалось. Этот шрифт их очень важный, чертежный шрифт.

И тут нужно сказать, что черчение мне не пришлось бойкотировать, потому что бойкотировал весь класс. А почему? Просто не хотелось этим заниматься, и они этим не занимались. К нам пришел молодой учитель, армянин, по фамилии Мисоян. Он был очень молод, ему было не больше двадцати четырех лет. А нашим лбам в восьмом классе... Если мы кончали школу в восемнадцать лет, значит, сколько нам было? Нам было от пятнадцати до семнадцати лет. Многие мальчики были не то что хулиганами, а достаточно наглыми, отпетыми. И один только мой друг Костя Ширик, тот, который пошел в ракетную отрасль, а потом стал археологом, любил черчение. И он один занимался с этим Мисояном. Они сидели с ним вдвоем, занимались. А когда входил Мисоян, мы кричали: «Костя! Пришел твой учитель!» Костя и Мисоян садились в уголок и умоляли, особенно Мисоян умолял ребят, когда стреляют в них из рогатки, только чтоб не в глаз. А ребята без конца их обстреливали из рогаток. В рогатки они вкладывали вместо пульк изогнутые проволоочки. Тебе это известно?

Изогнутая под прямым углом проволоочка и был такой обстрел, об доску, все время, понимаешь, такая канонада шла. Мисоян только глаза прятал. Они вполне могли его и покалечить.

А ребята эти не только стреляли, они «наяривали» джаз. Они сидели на «галерке», весь урок ударяли кулаками по крышке парты, и как я выяснил тогда и записал в своих дневниках, что моих одноклассников интересует три вещи: джаз, порнография и футбол. Футбол я не любил, никакого отношения к нему не имею. Джаз — я тоже не понимал... Что касается порнографии, то это были какие-то переснятые сто раз с каких-то открыток, черт знает с чего, фотографии любительские, сделанные чуть ли не уборной, чуть ли не в нужнике деревенском. Какие-то очень некрасивые бабы, голые, конечно. И это все ходило по рукам. Иногда я это видел, иногда мне говорили: «Отойди, тебе нечего, ты у нас ничего в этом не понимаешь». Ну и так далее.

Военрук. Школьные развлечения

Да, и был еще такой у нас учитель, военрук. Ты знаешь, что была такая должность «военрук» в школе? Да, военрук, военная подготовка. Часто это был раненый, демобилизованный, даже не офицер, это мог быть и сержант. Во всяком случае, тот, который к нам пришел, скорее на сержанта смахивал. И, естественно, это был человек, мягко говоря, несколько тупой, и сам он страшно стеснялся своей работы. Все-таки городские дети, хотя и не очень интеллигентные, но есть и такие среди них. Баланенко тоже среди нас был, первооткрыватель газовых месторождений. Так что дети все-таки не такие уж темные. Вот он пришел, начал нам разводить такую антимию: «Вот, вы все настоящие советские ребята, патриоты своей Родины. С вами можно пойти в разведку... Все вы патриоты, никто из вас, так сказать, не предаст свою Родину, не предаст своих товарищей». Это все он разводит, эти свои антимины, а ребята смеются все больше и больше. Он говорит: «А что вы смеетесь?» Он говорит: «Нет среди вас ни одного, который был бы способен предать своих товарищей, струсить». Они кричат: «Есть у нас один такой, есть!» — «Кто же это?» — «Вот он!» — и показывают на меня. Я встаю и чуть ли не раскланиваюсь, говорю: «Да, это я, я такой». Ну как он обалдел, этот сержант! Не знал, что сказать. Вот тебе, Юра, яркий пример.

Ю.С.: А комсомол?

Б.Р.: О, дойду, Юра, дойду до комсомола. Тем временем один за другим все становятся комсомольцами. Я — нет, пока нет. Да, теперь что еще. Еще ребята чем развлекались, они выбивали филенку дверную. Знаешь, что такое филенка?

Ю.С.: Створка двери.

Б.Р.: Филенка — это не створка, это тонкая часть двери. Дверь состоит как бы...

Ю.С.: Каркас и филенка.

Б.Р.: Каркас есть, или рама, и филенка. Филенка может быть из толстой фанеры, просто фанерная, а каркас двери — это из досок делается. Но это же высокое помещение, еще дореволюционное, это не то, что во времена Хрущева, как двери стали делать. Ребята развлекались тем, что выбивали дверную филенку и меня протаскивали через нее. Протаскивали взад-вперед, а я был тогда в сапогах. Дело в том, что за неимением другой обуви я ходил в школу в кирзовых сапогах.

” На мне был так называемый по нынешним временам американский секонд-хенд: френч, брюки — морского офицера форма, американского, только без погон, из сукна добротного. Вот это я носил. А на ногах у меня были советские кирзовые сапоги.

И тоже я помню какие-то картинки то ли в стенгазете, то ли еще чего-то, как меня протаскивают. У нас там была стенгазета в старших классах. Я предложил, как ее назвать. Ее называли необычно — «Наше зеркало». Ну, и уже по моему подражанию есть же такие газеты за рубежом, они тоже так называются. Я не знаю, как по-немецки «зеркало», Юра, ты не помнишь? Но какая-то такая газета тоже есть там. Но это название продержалось только один учебный год, а потом начальство решило, что так газету называть нельзя. Ее называли более тривиально. Ну вот, по-моему, там тоже была карикатура узнаваемая, кого протаскивают через дверь. А потом ребята по указанию учителей собирались и дружно чинили эту дверь, оставались после уроков. Я в этой починке не участвовал, но потом они уже с полным правом ее опять вышибали.

В течение войны мы получали по карточкам определенную норму хлеба. Все получатели делились на разные категории. Больше всего получали сталеваы, шахтеры. У них было чудовищное количество хлеба — до килограмма в день. Не знаю, как они съедали это, делились ли со своими членами семьи. Их члены семьи тоже получали больше. Ну, это из таких, не секретных пайков. А уж какие были пайки для номенклатуры и академические, из воспоминаний других людей можно узнать. А мы как иждивенцы служащих. У меня отец служащий по сословию был. В советское время были сословия: рабочий, служащий.

А, и колхозники, кажется. Ну вот, мой отец служащий, мы с мамой как иждивенцы служащих... Во время войны немножко уменьшалась эта норма, начали, по-моему, с полкилограмма, кончили триста пятьдесят. По-моему, к концу войны мы получали по карточкам всего триста пятьдесят граммов хлеба в день. Но школьникам полагалось еще пятьдесят граммов, всем школьникам. Это давали не в магазине, а в самой школе. На большой перемене всем выдавали по куску хлеба, как правило, белого, весом пятьдесят граммов. Иногда вместо этого давали бублики или баранки.

Дело в том, что я не привык питаться в школе, как ты знаешь, и в лучшие времена я просто не брал туда никакой пищи. Я вполне мог без этого обойтись. Голодным бы я себя при этом не чувствовал. И потом, я не помню, чтобы это чем-то запивали — чая же нам не давали. Но хлеб мне полагался. И вот, значит, приносит дежурный — из наших же ребят — большой деревянный лоток. На нем лежит гора по числу наших школьников... В классе тогда у нас было человек двадцать — двадцать пять, может быть, чуть больше. В конце было мало — уже семнадцать — восемнадцать, не знаю, куда делись. Может быть, я говорю еще по седьмому классу. И вот он приносит этот лоток. Нужно всем раздать по кусочку этого хлеба. Но тут возникает такое волнение вокруг. Что-то такое назревает, и тут один кричит: «Шарап!» — и все накидываются, хватают, мгновенно, кто сколько наберет. Ну так, по десять штук — кто больше набирал. Но это не значит, что они это все сами ели. Они потом делились. Я никогда не участвовал в шарапе, но никогда не оставался без своего куска хлеба. Кто-то из главных «бандитов», который организовал «шарап», обязательно мне мой кусок давал. Ну что, думаешь, они все сами будут есть? Так что с этим проблем у меня не было, я получал свой кусок.

Из всех предметов у нас особенно выделялась «Конституция СССР». Ее вела эта дама, которая идеально владела классом, идеально: никто не вдохнул, не шелохнулся. Я не могу это понять. Какие-то психологические особенности. Над другими учителями издевались, им стреляли в глаза — здесь сидят как по струнке. Я у нее получал только пятерки, я считался у нее лучшим.

Ну, Конституцию я изучил так хорошо, что и свою Конституцию написал дома, для своего королевства, там у меня тоже была Конституция. Она и сейчас есть.

Могу показать, но сейчас мы этим не занимаемся. И был у нас такой... Мы задавали ей каверзный вопрос. И был у нас такой Карсавин, то ли Юра, то ли Игорь, еврей, в общем, неглупый. Он задавал кое-какие вопросы. Он ей сказал: «Вот скажите, а почему большинство этих космополитов — евреи? Это как, случайно или нет?» Она ответила очень спокойно: «Национальность не имеет значения». Дальше, ее спросил кто-то другой: «А крымские татары куда девались? Была же Крымская АССР». Она ответила: «Они вели себя нелояльно». И больше ничего, не придержишься. Больше никаких вопросов я политических не помню.

Еще там выделялся один мальчик у нас, Вася Грановский. У него была интересная судьба. Он родился, возможно, во Франции. А может быть, он родился в СССР, но во Франции жил с родителями. И вот в 41-м году, когда был пакт Риббентропа—Молотова, вскоре после этого он через Германию со своей семьей... они как советские граждане через Германию проехали в СССР. Холокост их не коснулся, они вовремя успели проехать. Когда он приехал сюда, он учился говорить по-русски на наших глазах, но, конечно, этим выделялся. Много от него я услышал, конечно, и о жизни во Франции. От него я научился песни в подлинном виде «Мальбрук в поход собрался», на французском языке. Он мне все это написал, и как это произносится. Я хоть сейчас... Сейчас я петь не собираюсь, но, в общем, серьезная трогательная песня. Мальбрук собрался на войну, неизвестно, когда вернется. Обещал вернуться к Пасхе, но Пасха проходит, вот уже Троица, а его нет. Ну, и так далее, в общем, трогательная песенка. Ну, я от него много такого слышал...

Ю.С.: Мальбрук — это кто все-таки?

Б.Р.: Мальборо, по-моему, это английская фамилия, какой-то английский полководец. Но все это можно

узнать же в Интернете, это старинная песня народная. А в России она крутилась шарманщиками. Потом у него [у Васи] была сестра. А меня очень интересовал вопрос, как мальчики относятся к своей сестре. Дело в том, что у меня всегда были эротические мечтания. Я думал, что если бы у меня была сестра, то, наверное, я любил бы эту сестру как мальчик любит девочку, а не просто как сестру. Меня это всегда мучило, вот этот вопрос, как бы я относился к своей сестре.

Ю.С.: Как египтянин.

Б.Р.: Да, конечно, я думаю, что да, потому что примеров таких много, очень много. Бывает и любовь и ревность, бывает и половая связь. Я думаю, что я бы не удержался. Ну вот, я к нему так с этим приставал, что он мне однажды ответил... Мы будем выражаться современным языком, а не тем глаголом, который он употребил. Он говорит: «Ты трахаешь свою мать?» Он мне так ответил. Я сразу от него отстал. То есть это мальчик был культурный. Я сожалею о том, что я иногда его дразнил, и вообще... Я бы сейчас охотно перед ним извинился. У меня была какая-то надежда, что он меня услышит, если он еще жив.

Увлечение стихосложением

Так вот... У нас был такой период, когда мы все почему-то начали писать стихи, всем классом. Раньше я считал, что я совершенно не умею писать стихов, и вдруг на нас что-то нашло. Причем интересно, мы все стали писать, а я в это время вообще не ходил на занятия, притворялся больным. И дома я составил целую тетрадь стихов, они у меня есть, 48-го года. Ты, Юра, получил эту мою «Оду Замятину», да, которую я тебе послал? Ты не стал ее читать, она тебе не интересна.

Ю.С.: Чуть-чуть.

Б.Р.: Так вот, она написана абсолютно так же, как я писал, будучи школьником, тот же стихотворный размер.

Ю.С.: Ну, не крупный поэт.

Б.Р.: И я это все писал. И еще написал стихотворение про Васю Грановского: «...Что это за космополит прибыл к нам через Тильзит...» Но самое-то удивительное, чему ты не поверишь: ведь я употребил слово «космополит» за две недели до того, как оно прозвучало в нашей стране. Дело в том, что в это время, кроме меня, вряд ли кто еще знал это слово, оно никого не волновало, а тут получалось так, что через две недели это все прозвучало. И, конечно, я его невольно этим обидел. Я думаю, что он обиделся на меня на всю жизнь, потому что я, со свойственной мне бестактностью, никогда себя не ограничивал, когда мне хотелось над кем-то посмеяться или кого-то задрать словесно. Обо мне даже говорили, когда был скандал в Географгизе, где я работал, где что-то такое тоже написал про кого-то...

Мне мой оппонент и однокурсник, во время этого скандала, сказал, что есть хулиганы разных типов, вот Родоман — это словесный хулиган. И он написал в стенгазете статью: «Призвать к порядку не то Родомана, не то хулигана».

Был такой инцидент, с кошкой, с котятками... Но я это потом расскажу, когда я еще работал в издательстве.

Так что иногда со мной бывали такие эксцессы, я допускал такие хамские, хулиганские поступки, в которых раскаивался. Как человек, не способный к физической драке и защите, я гадил людям своим языком. Это естественный вид самозащиты. Я не могу сказать, что я на кого-то клеветал. Я не клеветал, не доносил, не ябедничал, но открыто я мог человека слегка унижить и облить грязью. И об этом я немного сожалею. Я изживал в себе эти качества, сейчас давно уже за мной ничего не водится.

«Клуб юных мастеров» и «отщепенцы»

Итак, наша школа. Значит, в нашей школе был замечательный «Клуб юных мастеров», он же «Клуб юных техников», я не знаю точно, как он назывался. Большое очень помещение, целый зал. Это было рядом с нашими классами. Мы в разные годы в разных помещениях занимались. Я помню, как в старших классах мы учились в одном из самых верхних этажей, и соседняя дверь была туда. Я ни разу туда не зашел, ни разу! Ну почему у меня не было даже любопытства, любознательности, когда все мои одноклассники туда ходили? И они ходили не зря, из всех них выросли инженеры военно-промышленного комплекса, кроме меня и Юры Погодина.

У нас было два таких, немного отщепенцы: я и Юра Погодин. Это был тоже циничный мальчик с гуманитарным уклоном. Он стал адвокатом потом. Это циничная профессия, адвокат, тут профессиональная ложь обязательно должна присутствовать. Но мы с ним сошлись. Мы с ним сошлись в негативизме, в критическом отношении ко всему окружающему. И примерно в восьмом-девятом мы ним иногда гуляли по улице...

” Я, как сейчас помню, когда мы шли по Безбожному переулку, мы друг другу признались, что мы считаем, что советский режим и гитлеровский — они окраской только отличаются, тут свои нюансы есть, там, а, в общем, это однотипные режимы.

И тут и там террор, пытки, концлагеря и, в общем, никакой свободы. Вот так мы между собой рассуждали, поэтому мы находились как бы в оппозиции и к учителям, и к программе школьной, и более или менее это демонстрировали. Но нужно отдать должное нашим учителям, они относились к нам снисходительно. Правда, мне мой одноклассник, Толя Брагин, который звонил мне сегодня утром, говорил, что его приглашали, кто там резидент МГБ в школе: ему предлагали стать осведомителем, но он отказался. Мне никто такого не предлагал, но кто-то этим занимался в классе, конечно.

Отношения с комсомолом и с религией

Ю.С.: А комсомол?

Б.Р.: Ну вот, хорошо... Значит, все мало-помалу вступили в комсомол, остались только мы с Юрой Погодиным. Два отщепенца, мы держались до середины десятого класса.

Ю.С.: А как же вас потом приняли? Должны были уже не принимать!

Б.Р.: Подожди, ты меня не перебивай. Я потом скажу, ты мне напомни. Сейчас нужно еще о чем говорить?

Ну ладно, я сейчас скажу насчет комсомола. Значит, в середине десятого класса уже, остается полгода учиться, мы с Юрой поговорили и решили, что надо вступать в комсомол, иначе мы в вуз не поступим. Мы договорились: в комсомол вступаем, я прекращаю бойкот литературы, химии. Учителя страшно обрадовались, что такие вот два мальчика тоже... и пошли нам навстречу. И когда я сдавал химию, мне учителя помогали — за меня они, собственно, экзамен сдали. Но надо сказать, что органическая химия была в десятом классе — она мне больше нравилась, потому что эти пространственные формулы, это не та валентность, а совсем другое — это мне нравилось, чуть ли не полимеры.

Мы подали заявления в комсомол. Но комсомольский билет я получил уже после окончания школы, потому что все это так долго тянулось, что фактически мы ни в каких комсомольских собраниях не участвовали. Я его получил в индивидуальном порядке в райкоме, без всяких церемоний, потому что я же школу кончил. Так что с этим мы капитулировали, из страха, что не поступим в вуз. По той же самой причине мой отец из католической веры перешел в православную, потому что ему надо было

поступить всего лишь в телеграфное училище, иначе бы на государственную службу в царской России его не взяли.

В последние годы обучения... жизни школьной я ознакомился с Библией. У меня всегда был интерес к религии, ко всем религиям, все это меня очень интересовало. Я всегда относился к религиям спокойно, как к художественным произведениям, как к сказкам, которые нужны взрослым людям, но в основном отсталым, конечно. Психически нормальный человек никогда не будет верить в Бога в том виде, как его преподносят это Писание, буквально. Библия свободно продавалась в советских магазинах.

Ю.С.: Да?

Б.Р.: Тебе кажется, что не свободно? Нет, она продавалась! Но она была большой редкостью, она стоила дорого, очень дорого, рублей триста, на сталинские деньги, это тоже много очень. Она была потрепанная, у букинистов она свободно продавалась. Ну, ее так мало было, мало у кого она была. И вот мне как-то достали ее. Я почитал. Не могу сказать все — она же огромная. Конечно, от меня, от моего внимания не ушли самые яркие вещи, и такая вещь, как Песнь Песней, однако, и с подачи Куприна, потому что и Куприна я уже читал к тому времени.

”

Я пришел к выводу, что это скучный протокол склок народов, которые там жили. Вот если в нашей коммунальной квартире изо дня в день описывать, кто что сказал, кто кого как обругал, тоже получится примерно такое, на протяжении нескольких веков.

Я к этому относился очень скептически. И с Новым Заветом я познакомился тогда поверхностно, а хорошо познакомился уже позже.

Летние развлечения

Теперь лето. Как мы проводили лето. В 48-м году... В 45-м я был пионерлагере, но не все лето. Как же я проводил лето 46-го и 47-го года? Довольно скучно. Меня родители возили в Останкино, там мы проводили выходные дни под деревьями, отдыхали на траве. Мой отец к тому времени уже был не профессиональным актером, а чиновником. Он работал, как я уже сказал, по линии профсоюза, занимался художественной самодеятельностью. У него был выходной день воскресенье, суббота была рабочим днем. И по воскресеньям папа, мама и я садились на трамвай № 17, ехали до конечной остановки «Останкино», там был чудесный Останкинский парк, пруд, который сейчас рядом с Телецентром, огромная дубовая роща. Эта дубовая роща самая большая в Московском регионе. Нигде больше я в Подмосковье, ни в ближнем, ни в дальнем, не видел такой хорошей дубовой рощи, уникальной, которая есть на территории Москвы. Ее, конечно, со всех сторон застраивали и вырубали, но от нее многое осталось. Но было еще больше. Нужно сказать, что и к югу от нынешнего Телецентра тогда тоже была та же самая дубовая роща, она уже была вытоптана, но там и грибы можно было собирать. К северу от пруда, за дворцом, был прекрасный регулярный парк, где кроме дубов были липовые аллеи. Да, и музей сам останкинский нам был хорошо знаком, мы часто его посещали. Вот мы проходили через этот парк по аллеям, доходили до системы прудов, а дальше был уже дикий лес, который сейчас занимает Ботанический сад Академии наук. И под этими дубами, которые ближайšie к прудам, мы расстилали одеяло и там целый день лежали и сидели.

Это было, конечно, скучно. Я мальчик уже пятнадцати лет. Знаешь, Юра, о чем я думал? Я думал, конечно, о девочках. Я думал о том, как мои ровесники проводят время, а мне это было недоступно, я это не умел, не общался с ними. И мне было неловко и тягостно в обществе родителей. Я читал книги, это было утомительно. Книг я читал мало. Моим любимым чтивом была книга Льва Гумилевского «Железная дорога». Это научно-популярная книга, она у меня и сейчас есть. Дело в том, что еще в дошкольное время

я хорошо познакомился с железной дорогой, так как у меня родственники были железнодорожники, в Конотопе меня пять раз поднимали на паровоз, пять раз я посещал паровоз, мне объясняли все его детали, но я просил не гудеть при мне, потому что гудков я не выносил. Мама мне всегда зажимала уши, когда паровоз приближался.

Вы, Юра, помните паровозы? У меня дядя был машинист, дедушка был столяр вагонного депо, и все они были железнодорожники. Поэтому я читал книги популярные о паровозе, знал, кто такой Тревитик, кто такой Стефенсон, и первая железная дорога Стоктон — Дарлингтон — все это было мне известно. Но тут у меня уже толстая книга «Железная дорога». Был Лев Гумилевский, популяризатор техники. Я недавно в интернете видел, что книга эта есть в электронном виде, нашлись любители, которые ее спасли, переложили. Вот это я помню. Потом мы ели все тот же бекон или бекон из банки, с чесноком, пили что-то... Ну вот эти дубы. Говорят, дубы выделяют фитонциды, полезные для сердца, а сосна — для легких, сосновый лес там тоже был. Эти дубы существуют и сейчас. Там сейчас асфальтированная аллея проходит. Вот так на трамвае мы туда ездили.

Ю.С.: В Москве ведь много музеев.

Б.Р.: Да, ну и что? А что, думаешь, я их посещал?

Ю.С.: Не знаю.

Б.Р.: В общем, нет. Вот, Юра, в Москве много было, чего я не посещал. Я тебе говорю, что я вовсе из себя не строю человека культурного и хорошо образованного. Я тебе рассказываю как есть. Какие-то музеи я посещал, видимо, с отцом. А какие-то не посещал. В моей жизни есть огромные пробелы в этом направлении.

Ю.С.: А вот вы ничего о биологии не сказали, об этом предмете.

Б.Р.: А что я хотел сказать о биологии?

Ю.С.: Как он у вас шел?

Б.Р.: Предмет «биология»?

Ю.С.: Да. Как-то интересовал?

Б.Р.: Ничего, средне. Интересовал. Я должен сказать, что меня к биологии... А! Вот как. Дело в том, что у меня дома была пятитомная... одно из многих изданий Брема «Жизнь животных». Так что одной из моих настольных книг был пятитомник советского издания Брема «Жизнь животных», его я читал. Меня больше всего интересовала — опять же близко к моим будущим занятиям — именно классификация. Классификация и систематика до такой степени интересовала, что я ее выписывал, поэтому латинские названия животных... Вот с систематикой растений у меня обстоит дело хуже, где там голосеменные, покрытосеменные. Но с систематикой животных у меня дело обстояло неплохо, особенно все эти классы позвоночных мне были известны. Все семейства млекопитающих, все классы позвоночных. Но, опять же, Юра, это идет скорее по линии филологии, чем по линии собственно естественно-испытательной, потому что натуралистом я никогда не был. Я был скорее как филолог, повторю. Меня больше всего... именно названия интересовали. Я впоследствии не овладел умением определять растения по определителю, а ведь это входило в наше образование на геофаке, каждый должен был этим овладеть. Но я думаю, что и мои коллеги тоже не умеют этого делать. Теперь собирать гербарий — все. У нас ботаника была в пятом классе. Я гербарий собирал во дворе рядом с домом на своем проспекте Мира, потому что тогда еще были там руины какого-то дома деревянного, пустырь был, на нем что-то росло. Я это все делал. Но учительница очень отнеслась скептически к тому, что я собрал. Она поставила мне какой-то зачет. Все это было, конечно, сделано плохо и неправильно. Так что не стал я натуралистом, не привилась у меня любовь к растениям. К животным больше, но не привилась. Скорее, я это все как-то платонически, со стороны, люблю, но я в этом не копался руками, непосредственно я этого не трогал. Я в это не вошел, я об этом рассуждаю как философ-дилетант, когда я занимаюсь проблемами охраны природы. На самом

деле, я страшно невежествен в этих вещах, страшно невежествен! Я этого не отрицаю.

Да, еще, правда, была одна вылазка. Мы с Толей Брагиным отправились на Учинское водохранилище. Учинское водохранилище — это огромное искусственное озеро площадью девятнадцать квадратных километров около города Пушкино, где определенная стадия накопления питьевой воды для Москвы. Это, конечно, запретная зона, хотя правительство наше родное там все-таки устроило себе какие-то резиденции, но простых людей туда не пускают. Мы с Толей Брагиным туда пошли, на нас налетели милиционеры, стали требовать у нас, чтобы мы им свои рыболовные принадлежности выдали.

”

У нас не было никаких рыболовных принадлежностей. Они нас положили на землю, уже готовы были выпороть, но потом все-таки отпустили. Нагнали на меня такого страха, что я в последующие шестьдесят лет боялся даже приблизиться к этому водохранилищу.

Я приблизился к нему только в этом году зимой. Я со своей подругой отправился туда гулять, посетил эти места, где еще в 48-м году на меня милиционеры нагнали смертельный страх. Тогда мне казалось, что местность эта была не очень облесенной. Сейчас там высокие деревья. Но за эти годы они и выросли. Большинство домов и деревьев, которые окружают меня, моложе меня.

Карта Московской области

И наконец, 48-й год. В 48-м году в моей жизни произошло очень важное событие. Мой отец достал, можно сказать, украл, притащил с места своей работы крупномасштабную карту Московской области. Это по тем временам была чудовищная редкость. Карта эта была для служебного пользования, на ней не было рельефа, но на ней были все деревни и села, все до одного. В одном сантиметре три километра. Я ею всю жизнь пользовался, до 90-го года! Она уже вся истлела, порвалась. Сейчас боюсь ее доставать из тубуса, но она колоссальную роль сыграла в моей жизни. Я, руководствуясь ею, потом обошел, объехал всю Московскую область. В 48-м году началось мое систематическое исследование Московской области, которое продолжается до сего дня. То есть у меня задача была увидеть, посетить все, что только доступно моему посещению.

Началось это так. В 48-м году у нас опять возобновился обычай ездить летом на дачу. Конечно, дачи своей у нас не было, но мой отец, опять же по линии художественной самодеятельности, был почему-то связан с ведомственным пионерским лагерем, возможно, от того же профсоюза, хотя там торф не добывался. Надо сказать, у нас еще с торфом были связаны огороды. Нам на торфяных полях давали огороды. Первый раз на территории нынешней Москвы, где сейчас стоит автозавод Ленинского комсомола, станция метро «Текстильщики» — Сукино болото. Вот на этом Сукином болоте были еще вагонетки, узкоколейки, но торф уже был выработан. У нас там был огород. Второй раз огород у нас был в Косино, мы на электричке ездили. И третий около Храпунова. Три огорода у нас было, причем по случаю войны и голода там сажали не целые картофелины, а только кусочки с глазками.

Но потом это все прекратилось, в 48-м году этого уже не было, чтоб картошку свою сажали. И мы поехали в село Торбеево Загорского района, сейчас Сергиев Посад. Поехали на грузовой машине по старому Ярославскому шоссе. Я там держал на ветру эту бумажную развернутую карту Московской области. Ее же мог унести ветер, она могла порваться! Но я по ней следил. И как только мы приехали туда (я старался, конечно, делать карандашные копии), я совершил свой первый большой поход загородный.

В один прекрасный день, а именно в воскресенье — это не случайно, почему именно в воскресенье, я объясню — я покинул деревню, пошел один. Я пересек вот этот знаменитый Красноармейский полигон. Там такая есть трасса, которая тянется на северо-восток километров на 35—40, уходит уже в Ивановскую область соседнюю, трасса артиллерийская. Она огорожена проволокой, и мы вдоль нее с вами гуляли.

Ты помнишь это? Ну так вот, я ее пересек тогда, потому что в выходной день там не было выстрелов, и местным жителям туда разрешалось ходить орехи собирать. Орехов там было чудовищное количество, там и дубов было много, хотя не было дубравы такой, как в Останкино, но орехи там в качестве подлеска, видимо, к дубам все-таки были. Там мешками собирали орехи... Я ее пересек, потом встретил очень странных людей, которые ехали на телеге. Как выяснилось, это были немцы, трофейные, которых завербовали на работу из Германии. Это год был 48-й. Очень много немецких специалистов у нас завербовали на работы, они нам космическую промышленность тут делали, ракетную. Из Германии их привезли. Они жили в хороших условиях, им хороший паек давали. Потом вернулись в ГДР. Что, ты первый раз слышишь об этом?

Ю.С.: Да, о военнопленных знал...

Б.Р.: Нет, это не пленные...

Ю.С.: Знал, что в 30-е годы, а что после войны — не знал.

Б.Р.: Нет, это не пленные, нет-нет, это принудительно-добровольно. Историю острога Удомля почитай в интернете, там тоже сказано, как их руками все было создано, этих немецких специалистов. Они нам помогали в этих отраслях. Но это артиллерийская отрасль.

Ю.С.: Не знал. Думал, что только до войны.

Б.Р.: Нет-нет, до войны по другой линии. Опять же, извиняюсь, я не могу так квалифицированно все это рассказывать, но... Меня можно простить за некоторые неточности, но все это описано, книги на эту тему вышли.

Ну вот. Сидели такие вот немцы. Потом я пересек трассу, познакомился с городом Красноармейском, там замечательная Пирожная гора. Потом вышел на узкоколейку, которая соединяла город Красноармейск со станцией Софрино магистральной железной дороги в нормальной колее. В Красноармейск тогда ходила только узкоколейка. Проехал по этой узкоколейке одну остановку, пешком вернулся в свою деревню Торбеево. Так прошел километров восемнадцать за день. Это был мой первый загородный подмосковный поход в одиночестве.

А в следующее лето я уже совершал пачками такие походы, тоже один ходил, уже систематически обходил разные районы Московской области. Осенью того же года я один поехал осматривать город Ногинск, потому что там была трамвайная линия, меня это интересовало. Там я очень архаические строения вагонов трамваев видел, так что город я изучил уже осенью. И с нами в поезде пригородном паровом ехал священник, который обсуждал вопрос о том, как ему электрифицировать храм. А мне всегда казалось, что если священники отрицают научно-технический прогресс, то пусть они одеваются так, как во времена Христа, и пусть они пользуются только теми достижениями техники, которые существовали не позже этого самого Воскресения Христа. На остальное они не имеют никакого морального права. Вот так я примерно рассуждал. Меня, конечно, это очень удивляло тогда... Сейчас меня раздражают они со своими мобильными телефонами. Они сидят за компьютерами, эти попы, которые отрицают науку, пользуются ее плодами. Они не имеют никакого морального права пользоваться плодами науки и техники, которую они всегда принимали в штыки, включая нынешние времена.

Окончание школы

Конец десятого класса, весна. Я уже подал заявление в комсомол. И тут первая повестка в военкомат. Десятиклассников уже в военкомат, предварительно. Я посещаю военкомат. Мне, конечно, страшно. Один туда пришел, не мама за ручку повела. И там какие-то девушки. Я одну из девушек назвал тетенькой, по детскому обычаю. Не знал, как к ней обратиться. Там, говорят, раздевают догола, и там у призывника бывает даже эрекция, а его по члену палочкой бьют резиновой, чтобы эрекцию сбить. Я до такого сладкого момента не дошел, потому что уши. У меня же была операция за ушами... у меня сейчас

ямы за ушами. Я формально глухой, хотя я вас слышу, слава богу, но, с точки зрения военкомата, я глухой вроде бы. Там меняются категории: то я годен к нестроевой службе, то не годен; то у меня «белый билет», то «красный», только нестроевой. Значит, я после «ушника» уже никуда не шел, меня отпускали, но все равно на каком-то учете я там был.

Я кончаю десятый класс, наступает время решать, куда я дальше поступлю. Я, мальчик, как все говорят, с гуманитарными интересами. Так пишут обо мне в характеристиках, так учителя ко мне настроены. К нам приходят в школу представители разных вузов: из МВТУ им. Баумана, куда пошло большинство учиться, из Физтеха в Долгопрудном. К нам пришел человек из Института востоковедения. Я сразу за это ухватился.

Я решил, что буду поступать в Институт востоковедения. Он мне понравился своим расположением: он находился в лесу, трамвай мимо проходил, в Сокольниках, на берегу Яузы.

Знаешь такое место? Он и сейчас там есть, там что-то сейчас есть такое же. Потом там был вечер открытых дверей, День открытых дверей, я туда пошел. Я решил, что буду поступать... Там было два факультета: лингвистический, или как-то он иначе назывался, и страноведческий. Конечно, в том и другом факультете язык был главным, но все-таки страноведческий факультет — понятно что такое, все-таки не одна лингвистика, поэтому я решил, что поступаю на китайское отделение страноведческого факультета. Я выбрал, конечно, самое трудное, но тут же ведь Китай! Ведь к этому времени что? В 49-м году в Китае уже произошла победа Красной Армии? Или в 48-м? В 49-м? Да, в 49-м. С 1 октября 49 года у них там, мы за газетами следим и видим, какое великое будущее Китая, мы понимаем, что Китай — это перспективно. И я решил туда поступать.

Я подал заявление, заполнил огромную анкету. Анкета очень большая. Ни я, ни мои ближайшие родственники на территории, оккупированной немецкими захватчиками не находились. Ни я, ни мои ближайшие родственники не были репрессированы. Все это правда. Ни я... и так далее, в общем, все. Были ли колебания в проведении партийной линии? Нужно полностью ответить, неважно, когда ты родился. Кем вы были до... до революции, Октябрьской, что ли? Тоже нужно полностью ответить. Ни в коем случае нельзя отвечать «да», «нет», нужно полностью писать: «Ни я, ни мои ближайшие родственники в проведении партийной линии не колебались». Ну, примерно в таком духе. Я не точно это передаю. Я заполнил эти огромные анкеты. Все, «ждите результата». Медицинскую комиссию прошел. А результат такой был: «Вас не пропустила медицинская комиссия». Ну и все. Кого готовил этот институт? Разведчиков же он готовил, в основном. Дипломатов отчасти.

Поездка на Украину

Но тогда ведь как было: не поступил в вуз — год пропал. Никакого варианта, ни в какой другой вуз ты не поступишь, ни в какой. А тут же можно еще и тунеядцем считаться, и в армию загнать. Куда деваться? Я сижу на шее у родителей еще год. Никуда поступать на работу не собираюсь, мне это и в голову не приходит — как же, где же это я буду работать. Я — ребенок родительский, я не привык. Меня решила моя мама отправить к моей тетке в Лубны, на Украине такой город есть. У моей мамы было девять братьев и сестер, никто из них не умер в детстве, все они дожили до преклонного возраста. Один, правда, с петлюровцами ушел, умер немножко рано, остальные все дожили минимум до восьмидесяти лет мужчины, минимум до восьмидесяти пяти женщины. И, значит, я туда еду, к тетке в Лубны, вместо того, чтобы поступить в вуз, еду в разоренную войной Украину.

Год 50-й, раны войны там еще не залечены. Еду я туда сначала в обычном плацкартном вагоне, а потом в товарном вагоне. Между Киевом и Полтавой в качестве пассажирского поезда 4-го класса товарные вагоны ходили. Я приезжаю в Лубны. До войны я их видел более-менее приличным городом. Теперь это сплошные руины. Среди этих руин стоит кирпичный дом, половину которого занимает моя тетка,

Екатерина Михайловна Ткачева. И вот на попечении своей тети я прожил там осень.

Сначала была хорошая золотая осень, река Сула. Туда ко мне приехал мой двоюродный брат, которому было семь лет. Я очень любил своего двоюродного брата семилетнего. Мне тогда было сколько лет уже?... Восемнадцать. Очень я его любил, катал на лодке. И он меня очень любит до сих пор, он меня просто обожает. Он в Киеве, бывший инженер, тоже из этой области ВПК, то ли «Антонов», то ли чего-то еще, в Киеве это очень развито. Он меня очень любит сейчас, почитает очень. Звонит нам иногда, и с моей Татьяной у него отношения прекрасные...

Книги. Откуда взялись там книги? Дело в том, что у меня еще была одна тетя, Мария Михайловна Ткачева. Она была настоящим филологом. Если бы не война, она, конечно, была бы ученым, была бы и кандидатом, и доктором наук. У нее тоже судьба сложилась очень трагически. Эта судьба меня тоже взволновала. Она со своим мужем, который был доцентом или профессором Харьковского университета, у них была хорошая перспектива заниматься филологией. И у них был замечательный сын, ребенок-вундеркинд, имя которого сейчас уже забыл, год рождения у него был перед самой войной, может быть, 37-й, какой-то еще. Да, по-видимому, или 35-й. Но тут война все разрушила. Пришли немцы в Харьков. И этот самый Николай, муж моей тетки, к немцам на службу поступил. Он, оказывается, выполнял задание наших, то есть он стал разведчиком. Он работал на наших, на Красную Армию, но немцы ему доверяли, он сумел их обмануть. И вот он, пользуясь большим доверием и уважением немцев, у них работал. И они жили при немцах внешне хорошо. Но мой маленький брат проявил неосторожность, он гулял там, где не положено, а немецкий часовой автоматически в него выстрелил и прострелил позвоночник. Немцы очень извинялись за это дело перед ним. И взяли его в свой госпиталь. И три недели немецкие врачи, один из которых профессор Роузе, мы помним его фамилию, боролся за его жизнь, но спасти его не удалось. Три недели, и он в страшных мучениях умер.

Следующий мой двоюродный брат, который сейчас в Киеве живет, он, по-моему, или только что родился или еще не родился. Он, по-моему, родится только в 43-м году, там в разгар всего еще и беременность. Ну вот, и этот Николай, Коцюба его фамилия, Николай Коцюба работает на немцев, на самом деле он советский разведчик. И тут немцы его разоблачили. Библиотеку конфисковали, его и мою тетю арестовали. Но потом состоялся какой-то суд, и ему удалось оправдаться! Немцы его реабилитировали и вернули имущество, вернули библиотеку, и он продолжал им служить и работать на нашу Красную Армию. После чего немцы его разоблачили второй раз, уже окончательно. Его расстреляли, мою тетю арестовали. Тетя моя уже к тому времени родила второго ребенка. Ребенка этого спасли, где-то его спрятали. А ее, значит, резиновыми дубинками избивали полицаи, какие-то пытки в тюрьме. Это были наши соотечественники, полицаи, немцы грязную работу выполняли с помощью наших соотечественников, зачем им самим кого-то убивать или пороть. Всегда находились тут у нас.

И вот, с большой ненавистью к немцам и гитлеровской оккупации, осталась моя тетя, Мария Михайловна Ткачева. И после всех этих мучений ее, в обстановке, когда она потеряла уже своего сына второго, первый сын погиб, второй пропал без вести — это тот, который сейчас, Женя Коцюба, — ее угнали в Германию, на работу. Там она была у какой-то хозяйки. Жизнь в Германии не прошла для нее даром, она много там интересного увидела, положительного даже. Немецкий язык, и все. Дальше-то что? Когда она вернулась, прошла фильтрацию, ей уже не было пути в науку. Нельзя было. Она стала всего лишь школьной учительницей русского и украинского языка и литературы, того и другого, в школе города Гребенка, по-украински Гребінка. А мальчик этот, Женя, был водителем тепловозов, потом электровозов, потом работал в ОПК. Сейчас он пенсионер. Вот так сложилась трагически судьба этой семьи. Ну, война — по всем у нас прокатилась.

Ю.С.: Вы упомянули, что книжки. Книжки — это из ее библиотеки?

Б.Р.: Да-да, из ее библиотеки это были книжки. Всякие филологи, словари. Это было очень важно, времени-то у меня было свободного навалом, 100% времени. В качестве физического упражнения я вымостил к нужнику, то есть к уборной, вымостил кирпичом дорогу, чтобы можно было ходить. Потом поэму писал, «Меририаду», в которой воспевались отхожие места и говно, потому что мы жили среди говна, и это,

конечно, как в прямом, так и в переносном смысле слова, не могло меня не волновать. Стихотворный размер у нее такой же, как у «Илиады» и «Одиссеи»:

*Ныне, о муза, воспой злоключенья того,
Кто, покинув стены московской квартиры,
Удобств ее многих лишившись,
Всюду... там что-то... побывал
В каких-то там Великой и Малой России...*

Ага, «побывал...». У меня все это есть, записано.

Всюду о благоустройстве отхожих мест сокрушался.

Забегая немного назад, хочу сказать, что в 46-м году, в разгар Нюрнбергского процесса, у нас было такое приключение. К нам приехали родственники с Западной Украины. Приехала бабушка Анна Антоновна Сташевская, просто так, повидать моего отца, и тетя Леня, Леонида Иосифовна Самусь. Они прибыли в Москву, у нас жили неделю. А папа у нее потом спрашивает: «Мама (они на „вы“ называли родителей), а у вас есть какие-нибудь документы?» Оказалось, что у них только документ, выданные оккупационными властями, аусвайс. Ничего больше. И вот так, с одной стороны, вроде бы и на поезд дальнего следования нельзя было сесть без пропуска. С другой стороны, может быть, на старух, на баб не обращали внимание. Папа мой страшно испугался. А там же у нас дядя, в Конотопе. Дядя поступил на службу к немцам, а потом его дом сгорел. И он вместе с немцами, с отступающей германской армией эвакуировался на запад. Прихватил с собой бабушку мою Анну Антоновну, то есть свою мать, и свою сестру Леониду. Но те не поехали далеко, а на своей родной Западной Украине остались. Они уцепились за свою родину, где они родились. А дядя, как мы считали, пропал без вести. Это нам так приятно было думать.

На самом деле, как я недавно узнал, он без вести не пропал, а жизнь свою закончил очень хорошо. Он с немцами эвакуировался и осел в Германии. И еще при Гитлере продолжал работать по специальности, строил мосты и аэродромы. Потом, уже в одной из западных зон оккупации, он до 46-го года эти же аэродромы и мосты восстанавливал. Потом он был в Тунисе, в Министерстве мелиорации или чего-то, и с 51-го года жил в Соединенных Штатах Америки. Там он закончил свою жизнь, не имея никакого потомства.

Ну вот, из Конотопа наш коллаборант бежал вместе с немцами, а участок-то земельный остался. Мы сейчас говорим, что в советское время не было частной собственности на землю. Собственности на землю-то не было, но люди как-то покупали и продавали участки, на которых дома стояли. Ведь не забывайте, что у нас 90% жилого фонда в стране были одноэтажные, односемейные дома. Считалось, что люди покупают и продают дома, а земля — она ничего не стоит. Но там-то дом сгорел, значит, это были руины. И вот эти руины каким-то образом были оформлены в продажу за тридцать тысяч сталинских рублей. И отец мой туда приезжал под той же фамилией, что этот коллаборант, Анатолий Родоман, все ничего. И суд справедливо постановил, что мой папа, его сестра тетя Леня наследуют участок... И они продали его за тридцать тысяч рублей. Эти тридцать тысяч рублей, видимо, наличными, оказали в руках у тети Лени, она их хапнула и с ними и со своим мужем Макаром бежала в пограничную зону, в Измаил, от нас. И там жила. А пограничная зона была для нас недоступна, но ее никто там не собирался преследовать. Она жила на берегу Дуная, глядя через Дунай в Румынию, хату там они купили. И там она жила, пока ее муж Макар не скончался.

Мой папа разразился красноречивым письмом. Я дорого дал бы, чтобы прочитать это письмо! Чего там только не было! И «господа Головлевы», и «змеюшник», как он называл своих родственников, и нелюбимая его «фея Бирюлина», которая тоже заимствована была из какого-то фольклора (из сказки Мориса Меттерлинка «Синяя птица». — *Ред.*). Ну что, вот он написал это письмо, пишущих машинок тогда не было у нас, копий нельзя было оставить. Собственно, мы и не претендовали на это наследство

особенно, потому что мы этим не владели. Через некоторое время в нашу квартиру внезапно вошел агент МГБ. Просто так в квартиру прямо к нам вошел, и моей матери сразу: «Где ваш муж Анатолий Родоман?». Она говорит: «Мой муж не Анатолий Родоман, а Борис Родоман. А Анатолия Родомана мы с 37-го года не видели, не знаем, где он». Он все это записал и ушел. И с тех пор наши родные органы ГБ нас не беспокоили.

Ю.С.: А скажите, послесталинское время... Послевоенное, прошу прощения. Ведь там же был и 46-й год, и потом начались... Вот этот космополитизм.

Б.Р.: Да.

Ю.С.: В школе-то у вас как все это было?

Б.Р.: Я же вам сказал, вот один только Игорь или Юра Карсавин задал такой вопрос. А что касается слова «космополит», оно очень быстро перешло в анекдот, появился ребус.

Ю.С.: В школе это никого не касалось?

Б.Р.: Лично нет! Евреи у нас были в классе, но их было мало, и они, собственно...

Ю.С.: То есть не трогали их?

Б.Р.: Нет, детей не трогали. Но это же не было прямыми репрессиями. Это потом, когда касалось врачей. А что касается истории врачей, так это уже было после, это не космополиты, это было, когда мы были уже на втором курсе геофака, это особая история. Потом мы, в следующий раз к этому подойдем. А тогда — тогда это воспринималось как дискуссия в газетах, там все это без конца поливали. Потом Зощенко и Ахматову полоскали. Я сейчас точно все не помню, но зачем мне это говорить, когда все знают. Так что, конечно, нас это поразило, что почему-то Зощенко полощут. Мы же очень любили его.

Еще интересно, что выпускной вечер у нас был омрачен, у нас он не состоялся, потому что, по-моему, в этот день умер Георгий Димитров, и никаких празднеств в школе не было из-за этого. Так что в моей жизни как не было 1 сентября, так не было и выпускного вечера. А в этот день, еще помню, числа 5-го или 6-го июня, шел снег. У нас бывает раз в несколько лет в начале июня, как раз числа 5-го или 6-го, снег идет, бывает жуткое похолодание. Но он сейчас же тает.

«Деяния антихриста»

И вот кончается 49 год, я нахожусь у тетки. Наступает зима. Тут, значит, у меня два события: я изучил очень хорошо Новый Завет. Там среди этих книг был, он у меня сейчас за спиной, именно этот экземпляр, но много и других. В общем, я до такой степени тщательно изучил Новый Завет, то есть Евангелие, что сам стал писать не то что пародии, а в таком же духе. Я написал о себе самое сочинение, которое называется «Деяния антихриста». Там я совершенно точно вот этим языком, которым написано Евангелие, описал, как я приехал в город Лубны к своей тетке: «И сказал мне Ангел Господень: „Встань, возьми постель свою и поезжай“. И спросил я: „Куда, о Господи?“ И был его ответ: „В Лубны, в Лубны, в город предков твоих поезжай!“ И внял я...» И все так пронумеровано. И так далее.

Там в одной комнате со мной ночевала некая девица Юлия Федоренко. Она была угнана в Германию во время войны, но девственность свою сохранила. Очень темная деревенская женщина. Девушка, скажем так. Сколько тогда ей было лет? Может, двадцать с чем-то, но девственность она сохранила и очень ее берегла. По ночам она видела эротические сны, ей казалось, что сатана ее искушает, что ее насилует сатана. Она с нами этим делилась. Я это все сюда же приплел. Есть такой альманах, называется «Светский Союз», я это опубликовал, у меня эта повесть полностью опубликована, «Деяния антихриста». Это первое. Так проходила зима.

И второе: я начал писать мемуары. И сейчас самое главное — то, что я вам сейчас рассказываю... Ведь обычно как бывает? Человек, косноязычно, невнятно, как я, рассказывает свою жизнь, а журналист

или кто это записывает потом все литературно обрабатывает, иногда даже из этого книгу делают. Сейчас все обстоит ровно наоборот. Я в возрасте восемнадцати лет уже все написал, то, что я вам сейчас рассказываю. И написал я это гораздо лучше, потому что я больше люблю письменный текст, чем устный. Я не очень уважаю устный текст, не очень уважаю лекции, рассказы, беседы. Я этого не очень люблю. Я вынужден иногда говорить. Я больше люблю писать. Я все это приличным языком описал в нескольких тетрадях. Эти тетради у меня есть. Более того, они есть в интернете, потому что ими интересовалась кафедра психологии детства Российского Открытого университета. Некто Безрогов у меня их брал, их выставили в интернете. Я не успел их исправить, мои детские мемуары, где поливаю грязью своих родителей и соседей по коммунальной квартире — все это есть в интернете современном. Но это никому не нужно, и слава богу, никто посторонний туда не лезет. Вот я стал писать мемуары. Теперь думаю, что их можно как-то привести в порядок под заглавием «Мемуары восемнадцатилетнего», потому что психологов и педагогов интересует не само описание эпохи, а то, как юноша мог писать о своем детстве, почти ребенок, как он сам свое детство описывает. Потому что мемуаров, дневников, написанных детьми, не так уж много, они все ценны для истории педагогики. И вот в этих мемуарах я критически относился к своим родителям, я несправедливо обвинял их во всем, бичевал самого себя за то, что оторвался от коллектива, за то, что я не умею жить как все советские дети, и так далее. То есть я дошел до самых крайностей в этом обвинении.

«Ментальная революция»

И наконец, в январе 50-го года я решил произвести над собой, как бы это сказать, ментальную революцию. Я решил принять окружающий мир. Я решил полюбить комсомол, коммунистическую партию и стать таким, как все мои товарищи, потому что я зашел слишком далеко. Я своим отрицанием нашего режима и скептическим отношением ко всему окружающему, которое подогревалось, естественно, тем, что девочек не было вокруг меня, ненормально проходившим половым созреванием, которое не находило адекватного удовлетворения. Все это не случайно. В январе, в один прекрасный день, как сейчас помню, я решил все это принять, я решил полюбить это все.

Забегая вперед, скажу, что в течение примерно двух-трех лет был настоящим идейным, советским юношей. Я любил коммунистическую партию, любил Сталина, но не очень глубоко, не очень. Этого хватило ненадолго, потому что критический ум и все оставалось при мне. Видимо, я проделал то же, что сейчас многие интеллектуалы, которые впадают в православие. Они остаются интеллектуалами, они остаются учеными, но в то же время впадают в эту бредятину. Они начинают... Как один доктор исторических наук сказал: «Но я же православный, я должен в это верить». То есть он нормальный вполне человек, в то же время он говорит: «Я православный, я должен в это верить». Он стал православным, только что крестился. То же, видимо, я над собой провел такое коммунистическое крещение. Я достаточно уже был подкован во всем, я был хорошим учеником и по конституции, и все, и все понимал.

Ю.С.: Как вам это удалось?

Б.Р.: Да никак, усилием воли, потому что я решил, что в своей жизни очень далеко ушел. Вот и Брагин, и Ширик, все мои друзья, они тогда были настоящими советскими мальчиками, настоящими патриотами нашей Родины они были. Они во все это верили на 100%, а я выделялся тем, что я все критиковал, все хаял, над всем смеялся. Понимаешь, я все ошельмовывал, все поливал грязью.

”

Я был не только антисоветским элементом, я был антиобщественным элементом. Я все поливал грязью, во всем сомневался. Я был крайним, крайним скептиком. То есть я и сейчас таким частично являюсь...

Ю.С.: Это вы в Лубнах решили?

Б.Р.: Да, в Лубнах, только вот произносите правильно: Лубны, ни в коем случае не Лубны. Да, в такой вот обстановке. В чем это проявлялось? Я стал ходить в кино, а до этого я десять лет в кино не был, потому что не хотелось смотреть советские фильмы. Потом стал ходить, все эти примитивные советские фильмы, про нахимовцев, еще чего-то такое, черно-белое. Я стал пай-мальчиком на время. Забегая вперед, скажу, что я, конечно, не был ни яростным сталинистом, ни фанатичным комсомольцем. Но однажды я толкнул такую речь на комсомольском собрании, что все обалдели и так толком не поняли, я «за» или «против» чего-то, даже не помню чего. То есть мою речь хвалили как те, так и другие. Даже было такое у меня. Даже я своего друга Олейникова журил за отрыв от коллектива на комсомольском собрании. Но, забегая вперед, скажу...

Ю.С.: Это в институте, что ли?

Б.Р.: ...это быстро закончилось со смертью Сталина...

Возвращение в Москву. Поступление на геофак

Ю.С.: Это в институте?

Б.Р.: Уже в институте. Я в институт поступил комсомольцем. Я как приехал, или перед этим, или весной получил комсомольский билет. Ну вот, проходит зима, и вдруг — повестка в военкомат. Мать мне присылает телеграмму, что мне повестка в военкомат пришла. А я неизвестно где. Пришлось из-за этого вернуться в Москву. Мне пора было, конечно, с теткой шеи уже слезать, мне мама, конечно, присылала какие-то деньги.

Вернулся я в Москву, прошел через военкомат. Там та же история: только до ушного врача, дальше — все, дальше ты свободен. И что теперь? Уже второе лето, опять надо куда-то поступать. Лето у меня прошло так: я уже ходил один в походы по Московской области, уже я систематически ее обходил. И вот мне запомнилось очень 26 апреля 50-го года. Чем именно? В 50-м году было исключительно холодное лето, и самый теплый день в году был не в июне, не в июле и не в августе, а 26 апреля. Было двадцать шесть градусов тепла. И в это время я ходил в воскресенье по Дмитровскому району. Как сейчас помню: жара, я иду в одной рубашке, а тут снег лежит в овраге. Вот так запомнил. К тому времени, когда поступил на геофак, я в своей автобиографии-характеристике писал, что я во всех районах Подмосковья побывал, административных. Ну не во всех, но во многих.

И тут я уже поступаю на географический факультет МГУ. Поступаю я с улицы, потому что я не был в кружке «Юный географ», во-первых. Во-вторых, у меня не было никаких родственников там. Я туда поступаю. Это уже начинается новая большая эпоха в моей жизни, она отражена в приложении к моей книге «Территориальные ареалы и сети», поэтому то, что я буду рассказывать в дальнейшем, может вас разочаровывать, но это будет устным живым пересказом того, что давно не только написано, но и опубликовано.

На сегодня мы закончим на этом, а дальше мы перейдем к периоду, когда я был профессиональным географом, начиная с первого курса географического факультета МГУ. Там уже, забегая вперед, скажу, что ни о родителях, ни о личной жизни ничего не будет. Там в основном будет о профессиональном становлении, об экспедициях и взаимоотношениях с коллегами. Но вопросы я хотел бы сейчас выслушать.

Ю.С.: Как поступили-то? Вы об этом упомянули...

Б.Р.: Поступил хорошо. Я скажу, поступил так: я перед этим основательно подковался. Я пошел в библиотеку ВЦСПС по читательскому билету моего отца и просмотрел много книг, имеющих отношение к геофаку МГУ. Я решил идти на специальность «Геоморфология». Почему? Потому что объект геоморфологии, собственно, сплошной. Меня же интересует ландшафт. А где больше всего ландшафта? Я не натуралист.

Геоботаник — это недоучившийся ботаник, геоморфолог — это недоучившийся геолог, так считается, в общем. Короче говоря, мне показалось, что я на геоморфологию пройду.

Я изучил работы Эдельштейна, который тогда еще не был репрессирован, его как раз репрессировали в том году. Геофак МГУ тогда находился в центре Москвы, рядом с Геологоразведочным институтом, во двор только проходишь. Сзади остается Геологоразведочный институт, справа — Медицинский институт, анатомический корпус, дальше идет пятиэтажное здание. Сейчас там, может быть, философский факультет, что-то еще, тогда там был геофак на пятом этаже, под крышей...

Ю.С.: Психологический там, психфак.

Б.Р.: Да, психологический. Да, бывал потом на психологическом. Вот там пятый этаж, туда я подал заявление. Пять экзаменов. Значит, тут две было препоны: медицинская комиссия... А им же было указано отсеивать, разными путями. Надо же кого-то отсеять, конкурс все-таки. Медицинская комиссия, врач засомневалась в том, что я пригоден. Я, по-моему, слезу пустил. Она меня пожалела и пропустила. Ну это индивидуально, тет-а-тет.

Дальше сначала шли хорошие оценки на экзаменах, потом стали резать. На чем-то, по-моему, на литературе, уже четверка была: надо было, чтобы было меньше очков. Я по очкам был, так сказать, на грани. А когда на грани приема по очкам, тут пускают в ход разные другие соображения. И вот к 1 сентября выясняется, что я на дневное отделение не тяну. Меня на заочное отделение могут взять, а на дневное — нет.

Но тут мой папа кое-что сообразил. Он пошел в деканат и показал там свое славянское лицо, удостоверенное печатью в паспорте, то есть надписью в паспорте.

И Веденеева, замдекана, с радостью исправила ошибку. И меня уже 1 сентября перевели... То есть я не успел еще поступить, я был на заочном отделении всего несколько часов, если не минут, 1 сентября.

Ну а я, как человек законопослушный, как только мне 31 августа окончательно объявили, что я буду учиться на заочном отделении, решил: хорошо, я гуляю еще месяц. И я пошел гулять в буквальном смысле слова. Утром 1 сентября я отправился на большую прогулку по Москве. В этот день я изучал юго-восточную часть. Я посетил место завода имени Сталина, ЗИС, нынешний ЗИЛ, другие места. И стал я там гулять. К вечеру прихожу домой, меня ждет письмо с географического факультета. (Юра, обратите внимание: письмо утром было отправлено с географического факультета МГУ, вечером это письмо было у меня на столе. Я прошу вас особенно это заметить, как тогда работала почта. Значит так: письмо, опущенное в Москве и адресованное в Москву, если оно было опущено до двенадцати дня, обязательно доходило к концу дня до адресата. Письмо, опущенное после двенадцати дня приходило на следующее утро. Письмо из Москвы в Ленинград, опущенное в почтовый ящик до двенадцати дня, приходило в Ленинград на следующий день до двенадцати дня. Оно шло так же, как и человек, который решил сесть в поезд. Сейчас нет ничего подобного.)

Ю.С.: Что было в письме?

Б.Р.: В письме было написано: «Уважаемый Борис Борисович, вы переведены с заочного отделения на дневное. Вы обязаны явиться на занятия...» И уже 2 сентября я пришел на занятие. В моей жизни никогда не было «Первого сентября», по разным причинам. Я в первом классе опоздал, потому что задержался с родителями в Крыму. Во время войны учебный год часто начинался 1 октября. В 43-м году мы вернулись из эвакуации в октябре. Так никогда в моей жизни не было... На геофаке учебный

год никогда не начинался 1 сентября. На первом курсе начинался 1 сентября, но я же пропустил, на втором курсе 15-го и так далее... А некоторые студенты вообще только к зимней сессии возвращались, потому что они были в страшных экспедициях где-то в Арктике. Им, конечно, все это прощалось, они возвращались как герои. А так 15 октября... Я думаю, то же было и у вас, к 15 октября возвращались из поля.

И вот, когда я стал студентом геофака, я очень полюбил его с первого же дня. Во-первых, эта вся романтика, во-вторых, девочки вокруг. Я же всю жизнь... Я до этого был совершенно лишен общества девушек, а теперь, наоборот, оказался... Их было большинство: у нас на пятьдесят мальчиков было сто пятьдесят девочек. Но, я думаю, что об этом лучше поговорить в следующий раз. На вопросы, если есть, я сейчас отвечаю.

Ю.С.: Тогда в следующий раз.

Б.Р.: Но это будет нескоро, это будет в мае только.

Ю.С.: Значит в мае. Спасибо. Ну, один вопрос.

Б.Р.: Сколько угодно.

Ю.С.: Один хотя бы. Задним числом, оценивая свою подготовку в школе... Когда вы кончили школу, как вы ее оценивали?

Б.Р.: Я и тогда и сейчас оценивал школу примерно так: мне не нужны учителя, мне не нужны одноклассники, мне достаточно было учебников и книг. Хотя, конечно, первый класс... все-таки что-то там было в смысле навыков, умения. Но немного.

Ю.С.: Вы же все-таки переживали из-за отсутствия общения...

Б.Р.: Да, переживал, но в этом есть... Юра, но это противоречие какое-то диалектическое. В том, что я говорю, и в том, что думаю о себе, много противоречий, неразрешимых и необъяснимых. Ну, не мое...

Ю.С.: Ну да-да.

Б.Р.: Не мое это дело, снова себя так анализировать. Конечно, противоречие было, безусловно, была тяга к коллективу. И был даже культ коллектива и некоторые его внешние признаки: эти все марши, построения, барабаны, пионерские отряды. На определенном этапе моей жизни вся эта эстетика коллектива — она тоже играла свою роль.

” Я тянулся к коллективу, но в то же время понимал, что я в нем изгой. Я не умел драться, не умел постоять за себя. Правда, меня никто и не бил, так мне повезло, ребята порядочные были. Я, например, не умел камни кидать по-мужски. Я и сейчас не умею.

Ю.С.: А как родители к вашему поступлению отнеслись?

Б.Р.: Куда, на геофак?

Ю.С.: Да.

Б.Р.: Ну конечно положительно! Они очень огорчились, что меня не взяли в Институт востоковедения...

Ю.С.: Им все равно было, куда вы поступите? Просто важно высшее образование?

Б.Р.: Нет, не все равно, мне очень хотелось именно на это, хотя... Я по любви поступал на географический факультет. Хотя люблю писать. Меня в географию привела любовь к путешествиям и к географической

карте.

Ю.С.: То есть они чувствовали, что вам это... хорошо.

Б.Р.: Да, конечно. Любовь к путешествиям и к географической карте привела меня на географический факультет.